Сказка

о

Золотомъ Петушкѣ.

а.с.пушкина.

Изданіе Товарищества Скоропечатни А.А. Левенсонъ, въ Москвѣ. Рисунки Б.В. Зворыкина.

Сказка
о
Золотомъ Пѣтушкѣ.

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Додонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то-и-дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранить отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.

Б.В ЗВОРЫКИНЪ, 02

Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ, бывало, съ юга, глядь—
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь—лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакалъ царь Додонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!?
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу,
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Додономъ,
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотого пѣтушка.
„Посади ты эту птицу,—
Молвилъ онъ царю,—на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно,
Такъ сидѣтъ онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.“
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ:
„За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,—
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.“

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы:
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ, какъ со сна,
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: „кири-ку-ку!“
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли:
Таковой имъ царь Додонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ-другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Додонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ.
„Царь ты нашъ! отецъ народа!-
Возглашаетъ воевода;
Государь! проснись: бѣда!“
„Что такое, господа?-

Говоритъ Додонъ, зѣвая.-
А!? кто тамъ? бѣда какая?“
Воевода говоритъ:
„Пѣтушокъ опять кричитъ;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.“
Царь къ окошку-анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего, скорѣе!
Люди, на конь! эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ;
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ, и царь забылся.

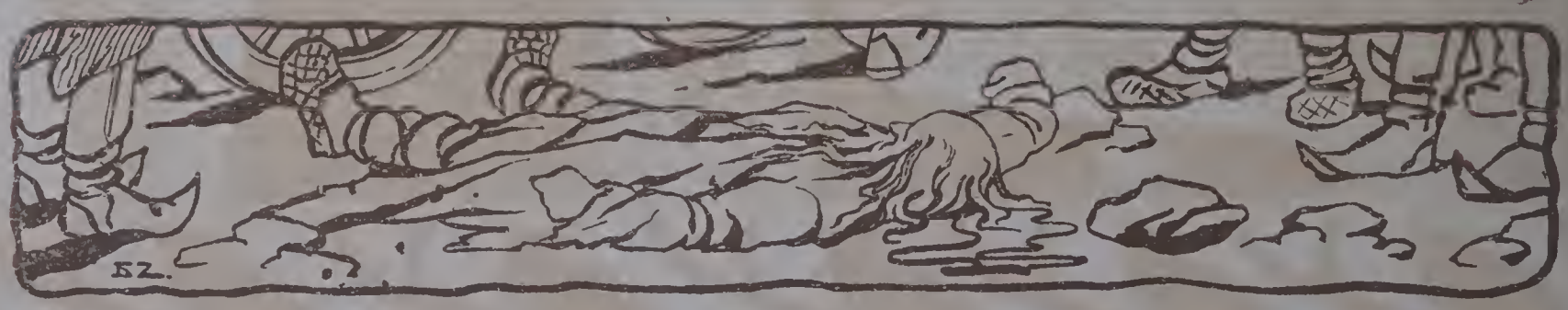
Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было=ль, не было=ль сраженья,
Нѣтъ Додону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять—
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшого
Шлетъ на выручку большого.
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ,
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ,
Пѣтушокъ кричитъ опять.—
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку,
Самъ не зная,—быть ли проку.
Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь:
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Додонъ.
„Что за чудо“? мыслитъ онъ...
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ;
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра: въ ущельѣ тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Додонъ къ шатру спѣшитъ....
„Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.

Бродятъ кони ихъ средь луга
По притолтанной травѣ,
По кровавой муравѣ...
Царь завылъ:—„охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла".
Всѣ завыли за Додономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Додономъ
Улыбнулась—и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Додонъ.
Наконецъ и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой

В.ЗБОРЫКИНЪ,08

Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей,
За Додономъ и царицей—
Всѣхъ привѣтствуетъ Додонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
„А! здорово, мой отецъ,—
Молвилъ царь ему,— что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?“
„Царь,—отвѣтствуетъ мудрецъ,—
Разочтемся, наконецъ.
Помнишь, за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою?

Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу“.
Крайне царь былъ изумленъ.
„Что ты?—старцу молвилъ онъ,—
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, обѣщалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь ли — кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярскій,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полъ царства моего.“
„Не хочу я ничего,
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шемаханскую царицу“,
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь:—„такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь,
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь,
Убирайся, цѣлъ пока....
Оттащите старика!“
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить:
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ.
Вся столица
Содрогнулась, а дѣвица



Хи-хи-хи да ха-ха,
Не боится, знать, грѣха.

Царь хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.

Котъ въѣзжаетъ въ городъ онъ...
Вдругъ раздался легкій звонъ—
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы;
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ;
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Додонъ,
Охнулъ разъ—и умеръ онъ;
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.

Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Дозволено цензурою Москва, 7 іюня 1903 г.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВИНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР. Н.С.Д.

ЦѢНА
75 КОП.